

ческое начало в Христе, она как бы отказывалась от активной акции самого человека в процессе спасения. Именно это обстоятельство, как настоятельно подчеркивает Шипиони, и было использовано Несторием: подобно тому, как прегрешение первого человека, Адама, породило разрыв человечества с богом и смерть, Новый Адам, Христос, примиряет бога с человеком и обеспечивает спасение. Будучи не просто человекообразной плотью бога, но «совершенным человеком», Христос знаменует активное начало человека. Шипиони лишь мимоходом упоминает пелагиан (с. 149, 234), — однако при всем различии пелагианства и несторианства, коренное обстоятельство роднило их: и то, и другое учение ставило акцент на свободной человеческой воле, на человеческой активности.

Слабости конструкции Нестория, естественно, были использованы его противниками. На первый план были выдвинуты два момента: отрицание Несторием эпитета «богородица» (Несторий в анти-аполлинаристском рвении предложил именовать Марию «христородицей», не утняя, насколько укоренился культ Марии в широких слоях населения) и признание Несторием двух Христов. Отстаивая мысль об «ортодоксальности» Нестория, Шипиони утверждает, что спор об эпитетах Марии не имел существенного значения для его концепции (с. 70, 183), а что касается тезиса о признании Христа (одного Христа) простым человеком — то это клевета или непонимание его противников (с. 86 и сл.). Несомненно, противники Нестория многое искажали в его концепции, искажали подчас тенденциозно. Несомненно, что Несторий никогда не отказывался и не мог отказаться от признания божественного начала в Христе. Несомненно, что он бился над тем, чтобы найти формулу, позволяющую объяснить существование двух природ в одной ипостаси. Но при этом его противники были правы в одном: как и пелагиане, Несторий придал «человеческому» большее значение, чем это могла допустить торжествующая христианская церковь.

В ожесточенной борьбе, где идеологические моменты отчетливо переплетались с политическими, Кирилл действительно проявил себя беззащитным и ловким дипломатом. Он сумел добиться в конечном счете санкции императорской власти, хотя на первый взгляд казалось, что Феодосий склонен поддерживать Нестория (правда, надо обратить внимание на такое странное обстоятельство, что император собирает собор в Эфесе, где митрополит Мемнон и большинство населения враждебно по отношению к Несторию; затем он созывает совещание представителей обеих группировок — опять-таки не в Константинополе, где Несторий мог рассчитывать на поддержку, но в Халкидоне, где епископ Евлалий поддерживал Кирилла). Он сумел обеспечить себе союз с римским престолом. Но это еще не значит, что Несторий был «невинной овечкой» и чистым богословом, думавшим исключительно о разработке теологических вопросов. Хорошо известны слова Нестория — и Шипиони цитирует их (с. 30), — обещавшего императору поддержку, если тот расправится с еретиками. Однако чрезвычайно показательны — и в этом также проявляется важность «проблемы Нестория», — как побеждавшая церковь умела использовать формулировки тех, кого объявляла еретиками, и как, наоборот, умела закрывать глаза на «еретические» суждения тех, кто подобно Кириллу Александрийскому достиг успеха и стяжал себе славу поборника православия.

А. К.

C. F o s s. *Byzantine and Turkish Sardis*. Harvard University Press, 1976, XVIII + 216 p.

Книга молодого американского археолога К. Фосса о Сардах имеет двойное значение. Прежде всего, это первая монография по истории собственно византийского города, основанная на совокупном изучении памятников письменности и материальной культуры. Даже о таких городах, как Афины, Коринф или Эфес, где раскопки ведутся уже многие годы, до сих пор нет чего-либо большего, нежели обзорные статьи¹. Несколько лучше обстоит дело с византийскими приграничными городами в Болгарии, на Нижнем Дунае, в Крыму или Закавказье: в этой области образцовыми остаются монографии А. Л. Якобсона о средневековом Херсоне². Хотя судьба приграничных

¹ Работа *Gregorovius F. Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, I—II*. Stuttgart, 1889, написана задолго до начала археологического изучения Афин. Остальные труды касаются отдельных районов или периодов; см. *Frants A. The Middle Ages in the Athenian Agora*. Princeton, 1961; *Finley J. H. Corinth in the Middle Ages*. — Sp., 7, 1932; *Vetters H. Zum byzantinischen Ephesos*. — *JÖBG*, 15, 1966.

² *Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес*. М.—Л., 1959; *он же. Средневековый Херсонес. XII—XIV вв.* М.—Л., 1950. Из придунайских городов отмечу Пэкуюллуй Соаре; см. *Diaconu P., Vîlceanu D. Păciul lui Soare. Cetatea bizantină, I*. București, 1972. Я оставляю в стороне такие хорошо раскопанные балканские центры, как Стоби или Нове, которые не пережили позднеантичную эпоху; то же самое относится и к большей части римских городов Закавказья (см. например: Великий Питиунт, т. 1. Тбилиси, 1975: там жизнь археологически прослеживается лишь до VI в.); средневековые армянские и грузинские центры возникли как новые города; см., например, *Аракелян Б. Города и ремесла в Армении (IX—XIII вв.)*, т. 1—2. Ереван, 1958—1964.

городов могла складываться иначе, нежели судьба малоазиатских, изучение метода работы исследователей, посвятивших себя Херсону и другим приграничным центрам, могло бы сослужить полезную службу при построении Фоссом монографии о Сардах. Следов такого использования предшествующего опыта в рецензируемой книге нет.

Фосс собрал прежде всего скудные свидетельства о Сардах, сохранившиеся в письменных источниках, как греческих и латинских, так и восточных: они приведены в книге с английским переводом (с. 105—132). Сюда следует прибавить восхваление Феодором II Ласкарем плодородия окрестностей Смирны и Сард, равно как и упоминание Пахимером Сард в составе фемы Неокастрон³.

По печатам, помимо Антония II (с. 68)⁴, мы знаем сардского митрополита Стилиана X в. (Corpus, V, 1, № 366) и Иоанна второй половины XI в. (№ 367—368); В. Лоран упоминает также, ссылаясь на неизданное сочинение Димитрия Кизикского (Ambros. 682, fol. 370), еще одного митрополита Иоанна, жившего до 950 г. и прославившегося знанием духовных и светских наук (Corpus, V, 1, p. 263).

Письменные источники по истории Сард скудны: среди них, пожалуй, наиболее значительный памятник — надпись от 27 апреля 459 г. (док. № 14), содержащая призыв строителей мастеров в Сардах, где регламентируются отношения между строителями (выступающими как организованная корпорация), подрядчиком и заказчиком⁵. Анализируя эту надпись (с. 19 и сл.), Фосс приходит к существенному выводу о противоречивой двойственности позднеримского общества, где за строго регламентированным фасадом скрывалась сравнительно подвижная система, открывавшая большие возможности для свободы действий. Но в целом эпиграфический материал, относящийся к позднеантичным Сардам, скуден и несопоставим, скажем, с обильными данными надписей из Корики, детально рисующих торгово-ремесленную деятельность горожан⁶. Поэтому утверждение Фосса о существовании в Сардах «гильдий» торговцев одеждой или портных (с. 15, 19) остается недоказанным — соответствующие надписи просто упоминают «брючника» (*βραχάρτιος*) Юлиана (док. № 12) или торговцев одеждой⁷, но в них нет и намека на корпорации.

Как бы то ни было, по одним письменным источникам написать связную историю Сард невозможно. Несколько более обстоятельны свидетельства об истории Сардской церкви, и в этой области Фосс делает подчас любопытные наблюдения, подчеркивая, к примеру, что митрополиты Сард почти никогда не жили в своей епархии, но оставались в столице (с. 67—69, 85, 88). Но поскольку Фосс опирался в истории сардской церкви на работу епископа Германа⁸, его оценки приобретают православный оттенок: Несторий характеризуется как «фанатичный патриарх» (с. 32); Анастасий I безоговорочно назван сторонником монофиситов (с. 34), хотя П. Каранис давно показал, насколько более сложной была его позиция; наконец, «чудеса» св. Петра из Атроа излагаются в книге (с. 65) без тени улыбки.

Построить историю Сард Фоссу удалось только благодаря использованию археологического материала. Правда, он привлекает, по сути дела, лишь строительные остатки и монеты — за пределами книги Фосса остался такой существенный памятник, как керамика (см. упоминание мастерской поливной посуды — с. 70), составляющая, замечу мимоходом, очень важный элемент в работах Якобсона, где она привлекается для характеристики как ремесла, так и художественной культуры Херсона. В самом деле, возникают вопросы, сохранила ли сардская глиняная посуда позднеантичные традиции; была ли она импортной (из Константинополя?) или местной;

³ *Theodori Lascaris epistolae*, ed. N. Festa. Florentiae, 1898, p. 155. 2—3; *Pachym.*, II, 221.1. См. *Angold M.* A Byzantine Government in exile. Oxford, 1975, p. 102, 246.

⁴ В отношении Антониев в книге допущено несколько неточностей: во-первых, в указателе (с. 211) два митрополита Антония слились в одно лицо; во-вторых, Фосс (с. 68) ошибается, утверждая, что Антоний II был получателем двух писем патриарха Николая Мистика — ему адресовано только одно послание Николая (№ 142, ed. R. J. H. Jenkins, L. G. Westernik), тогда как два других (№ 180 и 181), на которые ссылается Фосс, только упоминают Антония, но адресованы не ему. Наконец, атрибуция печати «монаха и митрополита» Антония сардскому епископу конца VIII в. (с. 65) не бесспорна: Лоран (Corpus, V, 2, p. 455, № 365 bis) отнес ее к нач. X в., да и Г. Закоз и А. Веглери (*Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals, I, 2. Basel, 1972, N 1327) не исключают возможности ее изготовления во второй половине IX в.

⁵ Об этой надписи см. также *Сюзюмов М. Я.* Трудовые конфликты в Византии. — ВО, 1971, с. 63.

⁶ *Гуревич А. Я.* Из экономической истории одного восточноримского города. — ВДИ, 1955, № 1.

⁷ Не очень определенную надпись IV в.: *κλιάρια ὑπηρεσίας εἰματιστῶν* (док. № 13) — Фосс понимает как «коллективную гробницу подмастерьев (assistants) торговцев одеждой» (с. 19). Однако термин «камара» хорошо известен «Книге эпарха» (XVII, 1; XXII, 4), где он означает «склад» (см. *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга эпарха. М., 1962, с. 231 и сл.). По-видимому, и здесь речь идет о складском и служебном помещении торговцев одеждой.

⁸ *Germanos.* 'Ιστορικὴ μελέτη περὶ τῆς ἐκκλησίας τῶν Σάρδεων. 'Εν Κωνσταντινουπόλει, 1928.

увязывается ли ее эволюция с развитием гончарного дела в византийской провинции, лучше всего изученного в Коринфе⁹, и т. п. Другой важный объект исследования археолога — изделия из металла. Они также лишь упоминаются (с. 15, 43 и сл., 75), но не характеризуются. Тем не менее уже анализ строительных остатков и монетных находок в Сардах позволяет сделать выводы первостепенной важности. И тут мы подходим ко второму аспекту книги Фосса. Он состоит в том, что рецензируемая работа заставляет коренным образом изменить традиционные взгляды на судьбу византийских городов.

Как известно, традиционное представление состоит в том, что Византия всегда была страной городов, как и ее предшественница — Римская империя. В отличие от западного города, пришедшего в упадок в раннее средневековье, в восточной половине империи городская жизнь характеризуется континуитетом. Эта концепция, высказанная еще А. П. Рудаковым и отчетливо сформулированная М. Я. Сюзюмовым, находит свое выражение в новейшем очерке византийской культуры, принадлежащем А. Гийю¹⁰. Однако еще в 1954 г. я высказал точку зрения, показавшуюся тогда парадоксальной, что византийский провинциальный город пережил спад в VII в. и новый подъем с IX—X в. и особенно в XI—XII вв.¹¹ Я пытался обосновать эту новую точку зрения доступными тогда археологическими и нумизматическими данными. Хотя первоначально моя работа встретила резкую критику¹² (главным образом, с позиций нумизматики), постепенно идея о перестройке городской жизни Византийской империи стала проникать в литературу, хотя и обосновывалась скорее общими соображениями, нежели анализом наличного материала¹³. М. Ф. Хенди попытался возродить ее в ее второй половине, подчеркнув, что византийская городская экономика переживает подъем в XI—XII вв.¹⁴ Рецензируемая книга, на мой взгляд, полностью подтверждает справедливость мысли, высказанной за 20 с лишним лет до Фосса, хотя он по каким-то соображениям не считает нужным упомянуть о своих предшественниках.

В самом деле, Сарды в IV—VI вв. предстают большим городом античного типа с развитой торгово-ремесленной жизнью, городом, где не замрала строительная активность. Центральная часть города простиралась вдоль главной магистрали почти на два километра (с. 37). Район вдоль Пактола по направлению на юг, к храму Артемиды, был покрыт виллами, иные из которых построены в V в. (с. 47). В западной части города были заложены новые улицы с колоннадами, построены новые хозяйственные сооружения и жилые дома (с. 51). При этом Фосс отмечает характерное явление: перенос хозяйственного центра с открытой площади (агора) в торговые «ряды», расположенные в портиках на главных улицах (с. 16).

В VII в. наступает упадок. Город еще не замер, но строительная активность приобретает чисто военный характер: в середине VII в. прокладывается широкая дорога, возводятся крепостные стены; эта строительная деятельность датируется находками монет Константа II около 660 г. (с. 57 и сл.). После 711 г. монетные находки прекращаются вовсе (с. 61). Хотя Сарды оставались административным и церковным центром, городская жизнь в них едва теплилась. Некоторое ее возрождение становится заметным с IX или даже с X в., но новый город уже не похож на античный: небольшие дома, тесно прижатые друг к другу, заполняют Акрополь (с. 70), который был окружен рядом городков, где имелись ремесленные мастерские (с. 72—75). Часть территории старых Сард оставалась незастроенной. «Разрыв с позднеантичным прошлым, — формулирует Фосс (с. 76), — был полным, и средневековый город представлял собой совершенно иной организм». Подъем нового города продолжался до середины XI в. После 1059 г. Сарды, по всей видимости, испытывали постоянный натиск турок и находились в тяжелой ситуации, возможно, улучшившейся к концу XII в. Они во всяком случае процветали при Никейской империи.

⁹ Morgan Ch. H. The Byzantine Pottery.—«Corinth», XI, 1942.

¹⁰ Guillou A. La civilisation byzantine. Paris, 1974, p. 266—304.

¹¹ Каждан А. П. Византийские города в VII—XI вв.—СА, XXI, 1954. В дальнейшем эта мысль легла в основу соответствующих разделов моей книги «Деревня и город в Византии IX—X вв.» (М., 1960, гл. 4—5).

¹² Наиболее содержательны три критические работы: Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв.—ВВ, XV, 1959; Ostrogorsky G. Byzantine Cities in the Early Middle Ages.—DOP, 13, 1959; Vryonis S. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) from the Thomas Whittemore Collection. . . —ЗРВИ, VIII/1, 1963.

¹³ Независимо от моей статьи к сходным выводам пришли: Kirsten E. Die byzantinische Stadt.—Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses. München, 1958; Zakythinos D. La grande brèche dans la tradition historique de l'hellénisme du VIIe au IXe siècle.—In: Χριστόφρον εις Α. Κ. 'Ορλάνδον, 'Αθήναι, 1966 (перепечатано в его сборнике «Byzance: Etat-Société-Economie». London, 1973). С нумизматических позиций отстаивает тот же вывод Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessalonike, 1965.

¹⁴ Hendy M. F. Byzantium, 1031—1204; An Economic Reappraisal.—In: Transactions of the R. Historical Society, 5th Series, 20, 1970.

В чем же причина упадка Сард в VII в.? Фосс ищет ее однозначно в персидском разграблении города, которое он датирует по нумизматическим данным 616 г.¹⁵ Более того, он утверждает, что персидское вторжение в начале VII в. вообще привело к крушению античного города в Малой Азии¹⁶. Этот тезис, на мой взгляд, наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, хозяйственная активность в Сардах (да и в других малоазиатских городах) продолжалась еще в середине VII в., хотя и носила специфический характер. Во-вторых, никакое вражеское вторжение не может уничтожить городскую жизнь, если не созрели внутренние предпосылки для упадка городов: после готского набега на Грецию в III в. города оправились очень быстро. Следует при этом учитывать, что персы — в отличие от германцев или славян — были хорошо знакомы с городской культурой и не испытывали враждебности к городам. Наконец, пребывание персов в Малой Азии длилось слишком недолго, чтобы вызвать «конец античности». Напомню, что согласно самому Фоссу, вторжение сельджуков не привело к коренному изменению облика Сард (с. 92). В-третьих, никакое вторжение не может объяснить, почему Сарды были восстановлены в новом облике, а не как античный город (пусть меньшего размера).

Разумеется, пока не следует спешить с «окончательными» выводами: нужно ждать монографий о других городах в Малой Азии и на Балканах. Однако уже сейчас можно констатировать, что в VII в. восточноримские провинциальные города пережили экономический и социальный упадок¹⁷, усугубленный вторжением персов и затем арабов, а на западе — славян, аваров и лангобардов (в Италии). После примерно двух столетий «темных веков» начинается возрождение византийского города — но уже в новом, средневековом, отличном от античного облике. Сходную судьбу обнаруживает, согласно Якобсону, и Херсон¹⁸.

А. К.

W e g n e r S e i b t. Die Skleroi. Eine prosopographisch-sigillographische Studie (Byzantina Vindobonensia, Bd. IX.). Wien, 1976

В серии появившихся в последнее десятилетие работ, посвященных изучению отдельных византийских семей¹, вышла монография о Склирах. Просопографическая работа австрийского ученого Вернера Зайбта представляет собой развернутый список членов византийской фамилии Склиров. Это первый в историографии опыт подобного рода.

Основное значение работы — введение в научный оборот огромной массы новых, прежде всего сигиллографических данных по истории Склиров. Большинство из впервые привлекаемых печатей (в том числе из коллекции Эрмитажа) непосредственно обследовано австрийским византинистом. В результате ряд биографий членов этой фамилии представлен фактически по-новому (Лев Склир — вторая половина XI в., Михаил — рубеж XI—XII вв. и др.).

Ряд чтений известных печатей и изданных документов исправлен. В частности, следует отметить интересные для славистов наблюдения В. Зайбта. Конъектура к тексту простагмы Алексея Комнина 1082 г. позволила получить свидетельство о Михаиле Склире как протопроедре, судье Фракии и Македонии, эксисоте (с ним же связывается печать протопроедра, судьи и эксисота Запада, изданная А. Мордтмоном, читавшим «Каматир»). Фактически новым для нас лицом в клане Склиров оказывается другой Михаил (конец XI—первая треть XII в.), известный по печати, опубликованной

¹⁵ Foss C. The Fall of Sardis in 616 and the Value of Evidence — JÖB, 24, 1975. Строго говоря, 616 г. это terminus ante quem non, ибо 616 годом датируется последняя позднеантичная монетная находка, дополняемая следами разрушений и пожаров. Эти разрушения могли иметь место и в один из следующих годов.

¹⁶ Foss C. The Persians in Asia Minor and the End of Antiquity.—«The English Historical Review», 90, 1975, № 357.

¹⁷ См. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 208 и сл. Курбатов начинает упадок позднеантичного города с рубежа V и VI в., т. е. задолго до персидского вторжения.

¹⁸ Попытки пересмотреть концепцию Якобсона об упадке Херсона в «темные века» (см. особенно Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков». Свердловск, 1972; она же. К вопросу о положении Херсона в «темные века». — АДСВ, 1972) не кажутся мне убедительными. Д. Л. Талис («Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья». — ВВ, XVIII, 1961) также признает экономический упадок города, но датирует его начиная с сер. VI в., а не со второй половины VII в., как Якобсон, который в полемике с Талисом отстаивал свою периодизацию (Якобсон А. Л. О некоторых спорных вопросах истории раннесредневекового Херсонеса. — ВВ, XXIV, 1964).

¹ Polemis D. I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. London, 1968; Nicol D. M. The Byzantine family of Kantakuzenos (Cantacuzeni). Washington, 1968; Vannier J.-F. Familles byzantines. Les Argyroi (IX—XIIe s.). Paris, 1975.